

Действительность стремится к раздроблению. Жизнь своя, особенная была и у нас, хоть какая-нибудь, да все же была, и не одна официальная, а внутренняя, своя собственная жизнь.

(Федор Достоевский. «Записки из Мертвого дома»).

СВИДАНИЕ разрешили трудно. Но разрешили — и слава богу!

Миша плакал. Ему было стыдно перед каравальным офицером, но слезы все текли. Брат утешал:

— Увидимся еще, непременно. А выйду из каторги — писать стану... Будет о чем писать.

Глядя его по руке и смотрел мимо, в стелу.

Ночью заковали в кандалы. Десять фунтов.

И повезли.

ПЛАЦ-МАЙОР Кривцов еще не опохмеллся. Съездившись, он стоял перед двумя вновь прибывшими и мучительно прислушивался к толчкам головной боли. Один из новичков был черняв и красив собой, смотрел же тоскливо. Другой стоял спокойно.

— Кто таков?

— Достоевский, литератор.

— Чего? Сволочь ты теперь, мразь каторжная, а не литератор! Ишь, ли-те-ра-а-тор... Как стоишь, в розги захотел?

На багровом, нечистом лице плац-майора появилось осмысленное выражение.

...В острожных документах известного всей читающей России автора «Бедных людей» обозначили: чернорабочий, грамоте знает...

Хорошо гребется снег. Раз — и отрезан огромный ломоть наста, два — он уже лежит

УЗНИК

РАССКАЗ

тяжестью на лопате, три — летит прочь с дороги! И мелкие, отставшие от него искорки переливаются на солнце.

И забывается на миг, что ты ошельмован и проклят.

— Куды ж ты кидаешь, подлец?! Поздно осенью Иртыш красив. Снег лежит день, другой, тает не сразу. Рядом с ним кажется вода голубой, а не мутной — летней.

Как в чистых реках России. Спасибо — перевели в алебастровый барак. Легче работа, а потом инженеры — все же люди. Не Кривцов. Даже смущены, читали, видимо, что-нибудь...

Иртыш рядом.. На другом берегу никого. В той стороне запад, где-то там плывут тихие, чистые реки. А здесь за спиной барак. Загремели молотами, значит кончился шабаш.

Надо идти.

СОЛДАТ уже в четвертый раз конвоировал этого каторжника в госпиталь.

За длинные годы службы привык смотреть на них. Убийцы, растлители, воры, политические... Все одно... Знай только: побегит — целясь в нашитый на спину желтый туз. Верней попадешь.

Но этот бежать не собирался. Шел понуро, бледный, задумчивый. Долго смотрел на редких прохожих.

Солдату он казался странным. Вот в госпиталь идет, на отдых, а не радуется.

Но конвойный ошибался. Слабый после припадка падачей каторжник с нетерпением ждал, когда же кончится эта грязная заезженная площадь и они свернут на Скорбященскую. Там, в вонючей госпитальной палате, он может заниматься первым в жизни своей делом — писать.

ЗАКРЫЛИ дверь на ночь. Все. Теперь до утра в палату никто не войдет.

От нетерпения дрожат руки.

Записывать! Сейчас ты не каторжник, ты писатель русский. Записывать! — все, что видел вчера, позавчера, месяц назад. Как уползал умирать в степь раненый орел, как радовался оставшийся жить после наказания товарищ, что чувствуешь, когда тебе дают милостыню...

Есть о чем писать...

Это будет страшная повесть.

Повесть о доме мертвых...

А. ЛЕЙФЕР.